

ности. И значительная часть занятых в этой сфере и в мастерских города ремесленников была прямо связана с муниципальной организацией. При этом не только политическая значимость городской общины, а прежде всего ее реальные позиции в экономической жизни города привязывали и подчиняли ремесленников к античной муниципальной организации, ограничивая роль и значение их профессионально-производственных объединений, корпораций.

Возрастание значения корпораций в IV—V вв., как теперь признается большинством исследователей, было не только и, может быть, не столько связано с государственной и фискальной политикой, фискальными интересами государства, а имело свои внутренние причины. И одна из них заключалась в падении значения в жизни города общегородской коллективной собственности, в развитии и укреплении за ее счет частной и корпоративной собственности.

Мы можем проследить, как упадок внутригородской собственности города был связан с общим упадком городской собственности в целом. Можно предполагать, что упадок внегородской и внутригородской собственности города не был одновременным и параллельным. В городе он протекал медленнее в силу необходимости поддержания муниципального хозяйства. Законодательство, на наш взгляд, позволяет выделить ряд этапов этого процесса. Если III в. характеризуется бесспорным сокращением общественного и развитием частного строительства на земле, принадлежащей городу, то в IV в. налицо упадок строительства и деятельности общественных муниципальных учреждений. Законы, ограничивавшие разрушение построек и расхищение украшений (CTh, XV, 1, 1 сл.)³⁴, прямо свидетельствуют не только об их обветшании, но фактически и о том, что они перестают функционировать. Если в первой половине IV в. многие из них лишь ветшали и законодатели стремились как-то оградить их от разрушения, то во второй половине IV в. правительство уже разрешает сносить и использовать для строительных нужд материалы заброшенных и разрушавшихся муниципальных сооружений. Вероятно, уже в IV в. многие из них переходят в частные руки, становятся собственностью церкви, государства. Мы говорим о сооружениях не только обществе много, но и хозяйственного муниципального значения. Сокращение натуральных муниципальных поступлений, муниципальных запасов, естественно, вело к тому, что муниципальные склады и хранилища пустовали. Они либо разрушались, либо переходили в руки государства или частных лиц. Но в IV в., как показывает законодательство, еще сильна тенденция сохранять нужные городу внутригородские имущества и собственность на землю за городом. Продавались здания, но не земля под ними, сохранялись в собственности города лавки и мастерские или помещения под них.

V век, судя по законодательству, — это уже период активной распродажи внутригородской собственности — самой земли, лавок и мастерских. Именно тогда, по-видимому, и переходит в частные руки большая часть внутригородской общественной собственности. В V в. учащаются попытки уклоняться от платежей, т. е. по существу присваивать городскую собственность. Не случайно, что в законах V в. все чаще говорится о внутригородских имуществах — участках, домах, лавках, мастерских. 23-я новелла Феодосия сообщает, что те из них, которые «удерживаются» разными лицами даже в течение 30 лет, должны быть возвращены городу (*civitatibus restituendis*). Характерно, что некоторые из них, вероятно, могли удерживаться и более или менее законно — за долги городской общины частным лицам. Так, 17-я новелла Феодосия говорит о *petitiones*, домогавшихся передачи им в виде возмещения за долги города

³⁴ Огромный титул CTh, XV, 1 — *De operibus publicis*.